

Вера Хорват

В начале

Книга лауреата

V международного фестиваля
славянской поэзии «Поющие письмена»

Россия, Тверь, 2013

Перевёл с сербского Олег Комков

Из книги "Дунайские таблицы"

Лепенцы

В начале

В начале
слово было
песней
Когда обрёл
первородство мир
из вышней книги
в виде голубине
слетели гласы
словесных лир
Медно-янтарны
вишнёво-сини
водно-лазурны
злато-крававы
слова осыпали
словно иней
наши гробницы
глухие главы

Тайное слово
как луч
по льдине
сквозь омрак сна
в зенице яви
резцом сотворило
нам
людские лица
в венки вплетая
речные травы –
и разлетелись
хищные птицы
Очнуло очи
очеловечило
уста уснувшие
разговорило
Горла и груди
души и думы
дивное слово
отворило

Всё это было
под сенью бденья –
лебедя-духа
над бездной текучей
плыли над мглою

испаренья
ириса
мирта
скрытых созвучий...

Всё это было
в день тот исконный –
небесной иконы
не застила рама
Стояли по кругу
горы-колонны –
купол держали
безмерного храма

Всё это было
в пору исхода
чудищ морских
к заводи пресной –
в дни когда песни
были словами
а слово –
песней

Если изменишь
точку иль йод¹
утратишь
в оттиске
слова след
войти не сможешь
в круг сефирот –
где в каждой сфере
восстаёт
лежащий камень
однажды в жизни
восставь же ныне
букв извод –
и в гранях
камня
взыграет
свет

¹Йод – буква еврейского алфавита.

Зазыванье

Под водою под водою
Над водою над водою
Пѳд воду под вѳду
Нá воду на вѳду

За водою за водою
Нá воду на вѳду
По вѳду пѳ воду
На вѳдунáводу

Предок-рыба
Миловица
Солнцев сын
тебя изволит
да сам
тебя изловит

мрежью златою
тебя накроет
да бурунами
белорунными

Рыба
непомерна
плавники что плавни
жабры что твердыни
чешуя что волны
ветер веет-верещит
ветер чешую луцит
вьѳтся хладью
в Котловище²
Вихрем –
Вир

Под ним
каменна
печать
Ан некому
прочитать
Иди найди
пойду найду
пой-ду-най-ду

Да некому углядеть

²Казан («котёл, котловище») – традиционное сербское название наиболее тесного участка Железных Ворот (Джердапской теснины) – сужения в долине Дуная на границе Сербии и Румынии, где течение особенно бурно.

как в твоём прозорном
чреве
месяц светит молод
месяц сеет молодь
как
Леванту
возливанье
ты готовишь
и плывёшь плеща хвостом
по Евксину-морю
Рыба-песня
Рыба пресна
В соль нырнувши
ос-
вещаешь-
ся

Дунай играет в камешки у Вира

Стань менгир
 стань дольмен
камень мирен
 камень нем
таин омен
 таи *noten*
не узнаю
 тайн о нем

Починная песнь

Камни разве были здесь?

Разве сбылись?

Разбились?

Раз были!

Глухо по полю распались

В землю по пояс вкопались

да рыдая

тьму разрыли

путь слезам

разбороздили

Считалка на выход незваных из игры

Раздва тричетырепять
камни падают опять
шестьсемьвосемьдевяьдесять
то ли светит летний месяц
то ли сыплются на горы
словно дождик метеоры
десятьдевяьвосемьсемь
камень был один совсем
эни бени
камень цел
предок твой
окаменел

Каменная кафизма

Первенцы
Другенцы
Сели на каменце
Ладятся
лепенцы³
Лепятся
каменцы:
кам-мешки
да сеянцы
КаМенгиры
там и тут
(подрастут
подрастут)

Рыбооки
рыбобоки
плачут немо
плачут глухо
есть уста –
да нету уха

³Лепенцы – условное название народа, жившего на территории Лепенского Вира ок. 9000 лет назад. Здесь: антропоморфные каменные фигурки, найденные при раскопках Лепенской культуры.

Где же ваши люльки
камни-крохотульки?
Воды – ваши люльки
камни-крохотульки –
катят письма-вальки
крутят свитки велики

Чешуя-то у камня
слизлая
Чтица смутного знаменья
слёзная
Как заплакал ты мой камень?
Иль слеза упала с неба
грудь рассекши словно пламень?
Кто вкусил
от камня-хлеба?

Что рыдаешь сквозь эоны –
у Златых ли слышно врат –
стылы члены
немые стоны –
слепо смотришь – Солнцев брат?
Что скорбишь? Молчит Создатель
отлучив
тебя от дома?

Вросший в землю знаменатель
древней дробы окоёма
а горé парят крылаты –
яшма хризопраз
сапфир
Ты – внизу
Уста разлаты
выпал золотой статир
ЗаРодился
младоСтарец!

Отняты сосцы высо́ки
а с небес – из мгlistых стариц –
льются млечные потоки
ты плачешь
гладножаждно
жильножальножадно
как прежде безнадёжно
и страдно
страдно
страдно
О плачь – слезой безгласной
что на лету застыла –
пусть внемлют
воплé напрасный
твой
кружащие светила

Когда камню тяжело и он не может двинуться с места

Коло-каменно-кормило
дар из пламенна горнила
солнце лик тебе гранило
знаменуя диво мило
небо плечи бременило
млеком облачным кормило
ото всех ветров хранило
Рана
 чрево расщемила
в век соломенный склонила

Когда вокруг сушь

Эн

бен

Мал дольмен
Хвосторотый –
Затворен!

На безводьи
погребен?
Плач – улыбка
вечность – плен!

Тки сурово
ткань покрова!
Бредит бурей
стыло слово
Воды
 пусть
омоют
 снова
серый кокон
полный зова

Жди же дале
Насутулен
Спи же дале
Sacro-

 вен
весь окуклен
весь утулен
вне времен
до времен

Считалка на оукливание

Нем
Камень
На безводьи
Рыбоуподобен лежишь
Твердыню дробишь
Сердцевину долбишь
Да какую же нить
Шелкокаменну
Размотал
Из средогрудья
Пространнейшего?

Шлифовальня Вира

Мне или
мною
мнутся каменя?
Все мы опилки
пылки
Кто-то
точит нам рёбра
кто-то – жабры

Тягостно петь
на дне
На ладони

Перебирай
Шлифуй
Разве
боками
мы не встречаем
самих себя –
други-каменя?
Тоньше кокон
тоньше!
О видишь ли что
сквозь меня?

Такова-то доля каменна –
в глубине твоей граниму быть:
Размахнётся ль – в тесноте
Осолится ль – в пресноте
Разрешится ли – овит
Запоёт ли (горловит?!)
И восхищённый рекою
да встретится с рукою
что гладит
гранит
градит
град крепок
во граде стан
на коем камень – капля света
Знаменник Узнан Зван

Лепенское коло

Влага солнечна струится
Плачут в небе три девицы
Вот слеза на дно скатилась
да яичком обратилась

Кружит коло виром взвито
Меж камней яичко скрыто
среброковно златошито
в неживом краю обжито
меж лежащих стоя врыто
тайной силой плодовито
В нём от века слово свито
прасловесно духовито
слово радугой овито
(не прочитано – забыто!)
Зреют в нём вино и жито
блещет башня к небу взмыта
в башне чадо родовито
внемлет чуду даровито

Найди его
найди его
в том яичке
волшебство
Навью
навью
Явью
явью
Вот яичко
каково:
засверкал волчок средь вира –
то хрустальный стержень мира

Злат петух
над ним сидит
да хохол-то свой румяный
не клонит к Дунаю
А курочка рябая
наседка высидная
ищет бисер
квохчет в ночь
люту мокошь гонит прочь:
окошьмокошьчернакокошь
кышшшшшшшшшшшшшшшш!

Гнездо

Где волчье имя
там облако – вымя
скулят слепые волчата
Кусают сосцы
насытятся
 мальцы
руном шелковистым объаты

Где млеет белым
там пышет рудым –
широк Дунайский разлив
а коль переполнен – вольётся
в шелест волнистых нив

Текло молоко тепло и легко
питая завязи крыл
а кровь ключа журчит горяча
из взбухших желёз и жил

И влечёт горé
да к волчьей горе
где светом
 свято истаёт

и к дольней доле
*доледодоле*⁴
где забытьё обитает
Облаком волчьим
жертва возлита –
поклоненья-закланья:

кормит
 кровоточит

Разве кто отличит
познание от незнания?

⁴Додола – у балканских народов весенне-летний обряд вызывания дождя, а также центральный персонаж этого обряда.

Оттого ль что взрезана шея
оттого ль что глиняны крылья
ни взлететь ни пойти
не можешь
недвижимой немой былью
застыв от века:

5 Вучедол (букв.: «волчья долина») – место археологических раскопок, расположенное на берегу Дуная, в 5 км южнее по течению от Вуковара. Вучедольская культура является одним из самых важных свидетельств эпохи энеолита. Основные находки датируются 3000-2600 гг. до н. э.; наиболее известен керамический сосуд в виде птицы, получивший название «Вучедольской голубки».

Миноика

Фестский диск

Снебаласточкислетите
кнамсдунаядолетите
Чьи-то лица все скуласты?
То явились вам пеласты
да пеластова печать
да чтецы чтоб величать
да ещё жрецы-провидцы
да сновидицы-девицы:
небооки солнцекосы
носят вам покорно просо

Выше ласточки вспорхните
В небе лепень-круг сомкните
Устье-ключ нам сохраните:
Слово-диво Слово живо
Солнцелико Околиво
О колико О!

Диск из Агиа Триады⁶

1.

*Семь восемь
девять десять
отче солнце
мати месяц
Агнец кудри
златы свесит
зрачны пальцы
глину месят
От круженья
весь взыграв
был с водою
венчан прах –
Правь*

2.

*Облак рыжий
кучеряв
Солнце всплыло
в синий сплав
Лаву студит
вал кудряв
Лев двуногий
бдит восстав
Взмыл
дельфин
по небу
вплавь –
Явь*

3.

*Солнце гложет
змей треглав
Мечет громы
мрак раздрав!
Сохлых веток
свод коряв
сплёлся тьмою
плод обьяв
Плод созреет
весь костляв
а на ветви
шшш!
удав –
Навь*

⁶Агиа Триада (греч. "Святая Троица") – место археологических раскопок на юге Крита, где были найдены многочисленные артефакты минойской цивилизации.

Инталия⁷ с шествием вакханок

Элем-белем белена
зелена ли пелена
бурнобела пенапела
и кикики
 и кикуту
и гри гри гри
 из гли гли гли
из гро хо хо
 и с тла тла тла

Гряды горькие гривасты
Чёрны травы головасты
режь серпом – снопы шипасты!
Ишь горласты –
 кыш пеласты
ждут вас родичи клювасты!

Беленою бел бел бел
пеленою чёрн чёрн чёрн
отряхни-ка с тел тел тел
чёрну пену в тёрн тёрн тёрн

⁷Инталия – гемма с вогнутым изображением.

Барельеф - шествие кор⁸

О минойцы
сивиллы у вас даровитые
вечно парами овитые
что вьются из пор – ядовитые –
где серной мглою повитые
бездны бурлят басовитые

О минойцы
топчите расщелины горные
засыпьте ноздри бесам
безднам
гасите газы снотворные
глушите гласы притворные
Сивилла – вилась
и ты – о Пифия –
пред лаем лавы
и ложным знаньем
лежишь без сознания

Хор кор
скорби
покорных
пусть тоскует

Хор горлиц
горних нетронутых
пусть воркует

Уступим я-
сновиденье
девицам-пеласгам
плескам
блескам
ласкам
и пене

Воспойте
дунайские девы
Анадио-
мене!

Тек елей – ключи-криницы
У парильни леденицы
сини косы-плетеницы
сыну Солнца – оленицы

8Коры (др.-греч. κῶρη, κόρη – девушка) – античные скульптурные изображения девических фигур, обнаруженные во многих святилищах Греции.

морю – милицы-родницы
притекли из милой дали
да глазам прозренья дали

Сёстры-сестреньки-сестрицы
чёлн разбился на буруне
Растряслись мы – осетрицы –
по сухой песчаной дюне
Не пытай узор завитый
на руне или на руне
А читай удел забытый
что не сгнил
не канул втуне

Барельеф II

Сивиллы даровитые
вечно парами овитые
и грохоты басовитые
гласом небес возмнившие
пред чёрным солнцем склонившие
чёрные выи огнивые

Чужеземки
 вещие девы
внемлите
 громов распевы
узрите
 молний рассевы
что зыблют ущелий
 зевы

подоблачные красодневы:

бегите от праведна гнева
 гадалки
 вещие девы!

Голуби
 зобайте чечевицу!

Галки
 клюйте печень-трясовицу!

Святовиту взмолимся
 юницы

Всех-то видом удивим
 сестрицы

Два кувшина

Эльбрусская
трапеза
длится:
во главе
Солнце
Солнцевичи
Солнцева мать
Званец Первозванного
прабрат до брата
правнук внуков
прасват до свата
за столом праединым
се прах един
се дух един
се день един
злат ли
сребрян
медян

и всякий гость
позван
ранний
полуденный
поздний
Брат он свату
Сват Карпату
Род Родопу
Сын Синаю
Праправнук
Арарату

Стела кифареда

Зову на восходе песню
сватов золотого града
у горних врат вертограда:
на ликах играла отрада
неизречённым светом
до ливня до камнепада
до пути и до спуда

И посребрённых
кличи
над юдолью изгнания:
знают разве из притчи
о яблоке до глада
— не изведав стенанья —
залитую предплачем
горечь надкуса-познания
и рёберный хруст во власти
змийского заклинанья
и онеменение нёба
вместо млечной речи
вместо глотка-сиянья

Каменный пифос

Изгои
страшные
изгои
древнего древа
согбенные!

О званники
бранные
самозванцы
соломенные
что вам
рёвы да зевы
гортанные
языков
переплясы
пламенные

Не грызитесь
вы клубней ради

Да у хрупких
прочных врат!

Не глодайте их
в этом граде
где над вами
высокий сват!

Гости тленные
гости потливые
ленные
Се пенные
виры кровавые

О вы
непробужденные
последние вы
но первые
в пьянстве
ястве
ячестве

Глыбы градом –
увы мне –
пусть дробятся
о выи
или пребудут
каменные:

над отчими
главами
гложетесь

над корнем
из коего
множитесь!

Фракийский след

Тайна

А как встретил он Эвридику
взыграло
зело
ребро
там где от века пусто

Но другое
певучье
что звенит светлей
чем серебро
свилось в тугие путы
от страха...

Не *оно* ли стало гадюкой
на тонкокостном запястьи –
козыре Гименея
что властью лёгкого взмаха
отдал нежную деву в жены

Не в груди ли твоей скрывался
тайный корень вдовства
а змея лишь для мизансцены
подвернулась как и другие
жуткие существа?!

Ублажение

Погляди моя Эвридика
на эти склонённые главы
Дрожат над бездною дико
Ни одна не избегнет расправы –
для тебя их все посеку я
Пускай трепещут от страсти
Свяжу их и брошу трофеи
к стопам что белей алебаstra!
Не бойся! Сей бой восхитит
до небес пахучие
струи...

Скажи чем гредишь тоскуя
Что нежноперстым дланям
милее:
асфodelи? Ирис? Лилею
принести тебе? Или астры
вплетёшь в венок?

Ах – словно розы в стужу
дивные пряди лелею...

Сокройся – лепоока! –
в объятьях мужа!

Рождение созвездия Лиры

Аполлон тебе отец
а не ловец! –
Искренность матери –
зов непокая:
– Струнами высеки искры!
Мост простри меж словес
пусть светил осеняет гнёзда

Над либидом-лебедью бди:
Лови – о взнузданный! – звёзды
Млечной тропею

Веруй! Твори!
Зевсу на зависть
Гере на горе
К менадам
взывают о мести...

Презри!
Взлети с плачем
в груди
с тла фракийского
сыне
во тьме и стыни
светочем вести

Арго

Улисс-то был не таков
Не из тех
кто без слов – в доспех
да с войском
против сирен...
Что если воском?
Воск!
Вот так решение!

Не слышишь
не знаешь
не меришь
Ширóко море
сколько в ущельях
ни плавай

Ясон – дело другое
Тот согнулся дугою
да зубами держал кормило
а руно – и левой
и правой:

Пусть попробует кто Орфея
превзойти в песнопеньи
славой!

Менады

Мчались яро
яровицами
яругами
в яри тщетной окровавив
ноги

изможденны
наги
ранили дриад серпами
рассекая ветви по дороге
По подбородкам
как от изжоги
слизни-слюни
ползут неуклюже
Орфей
не разбужен
от сонной стыни
удел свой предвидит втуне:
ежевечерне вершить
натужно
чин овдовевшего немужа

Чуден им заклтый миг
Не проснётся он для них
пусть от злой обиды
брешут

Бешеной самой Эриды
(зри – Медуза – страстотерпца!)
раскромсали тело
разодрали груди

Отрезвлённый гвалтом
сам Вакх
на такое взирая дело
лоб наморщил в досадном зуде:
– Глупые ревнивицы
ах
не оставили даже сердце
цело...
А что же скажут люди?

Плоести⁹

Ты воспел его:

плоести

время нежной отавы

и вод высоких –

наводит паводки:

плаванья

месяц правый

О ту пору

в предвестьи лета

как нос без лодки

плыла на лету (не в Лету!)

глава твоя величаво

Зелены реки

зелены травы

а она плывёт

синеглаво

Лира уронена в рану

исплывает

кровава

Червонны струи

червонен облак

а глава плывёт

словно пава

Из Киконии

к лету и Криту:

глава и лира

спаслись от расправы:

гарпии-вакханки

гидры-менады

в смущеньи

да будут здравы!

Плаванья час!

Пойте тихонько

антифон лироглавый

⁹Плоести – согласно авторскому Глоссарию к "Дунайским таблицам", древнее название весеннего месяца (примерно соответствовавшего концу апреля – началу мая), когда на море открывался сезон судоходства (предположительно от др.-греч. *ρλοῖον* – корабль). Интересна также гипотеза Веры Хорват о том, что поблизости от нынешнего румынского города Плоешти в древности могло располагаться место зимовки, где суда ожидали возможности продолжить плавание к Чёрному морю; таким образом, этимология топонима Плоешти может оказаться более архаической, нежели принято считать.

Плывите овиты –
амальгамою альги
вас обрастает слава

Леда

Бледна и лепа
хрустальней льда
янтарней мёда
молвить умела
слово премило:
с уст её капали речи
что нектар сладки

Но людям такие не любы:
до умных красавиц
лишь боги падки –
постояльцы у подсознания
изменчивого до измены!
Обломок Олимпа –
престол и простор
хлипкого царства.

Что же Зевсу осталось
опричь притворства
тайновещанной ласки...
Ни обольстить беседой
ни явиться без маски
И принял облик облака:
в нём плоть лежит легка
да излуками мягка
*Ай любимая в тенёчке
ждёт меня издалека*

А Леда не лыком шита
ей сердце пронзили не стрелы –
бредит мыслию низкой

Знает что цель уж близко:
форму обрящет тело
меди литой превыше...

Делай достойно дело:
Гомер тебя опишет!

Таблицы четырёх мудрецов

Анахарсис

Великая и тихая
между нами Скифия

Страшная как стихия
дивная как *евтихия*¹⁰

Персия или Скифия?
Скифия или Лидия?

Не та что лежит пресытая
паче – во рвах забытая

Не в вине испитая
паче – под рёбрами скрытая
сила дрожи
срывает венец

Одежда моя – сей плащ
обувь – ног моих кожа
приют мой – скифских женщин плач
что снится мне на жёстком ложе

я здесь гонец

Тебе – копье
да знамя
мне же – гибкий лук
Сребро гребёшь
горстями
я – свободнорук

С тобой вьюки
да кони
и гоплиты вокруг
а подо мной в погоне –
вольный ветер упруг

Глаголет
что горкочет
горличий твой гук
моё же горло горкло

¹⁰Евтихия, евтихия (др.-греч.) – счастье, успех, блаженство.

щит мой – смолкший звук

Как выдохнешь уныло
сердца тяжкий стук
так песнь моя –
удило –
громом грянет вдруг

За счастьем-то
за счастьем –
да в далёкий луг
взмахни-ка там запястьем
нитями овитым...

Коль по́милу не мило –
силой будешь друг
скифам неумытым
маститым

Здравствуй
досель незнакомый
сыне винных побережий
коих ныне достиг я
летая с Гамаюном

Пусть капля рубиновой крови
пребудет безмятежна
с тихой слезою скифа
и лирой семиструнной

Напьюсь за твоё здоровье
божественным винным соком
во всяком зерне – прозреньё
а всякое гроздие – космос

Скажи Солон: чей покос мы
под этой лозою
звёздной
под вещим оком Селены
что вяще щита и мифа

Скажи Солон мне имя
виноградаря над
бездной
не откажи в питаньи
впервые подпитому
скифу

Зри грозди три
у винограда –
усладу
пьянство
и озлобленье
Беги последних
а первой отведай всласть
прежде тленья
и прежде хлада
что бороду обелит к утру

Три чаши есть на пиру
да не тронут четвёртой гости:
первая – для жажды
вторая – для веселья
третья – для дерзости
а в отлогах четвёртой
таится безумья спуд

Тут на мель садятся невежды
да свои оставляют кости
Тут моргнуть не успев даже эллин
рассудком впадает в блуд

А вот и другая троица
о коей суди без милости –
язык обуздай
чрево
и уд

Друга отличай
от лицемера:
друг очей не возводит горé
а недруга лесть – химера
тебе аукнется после
смехом
на агоре

Первый – бальзам
и коль речь сечёт
да громом гремит

Второй – головня:
того и гляди
подпечёт
или очернит

Клеобул из Линда

Будь любослушлив
а не многословен
Будь духом игрив
путь заграждая зависти-
бестии
Лишь так одолеешь
– не надобен овен –
врата Гесперидовы с честью

Язык отточь
как лабрис
ладно выточь
вестию
да вернёшься с полемики
цел-невредим
под крыло своей Гестии

Правь
прежде ветра
пытая у птицы
куда стрела
угодит
Юношу
не гетера –
девица
любовью пусть
наградит

Чти свиток неба
денно и ночью
очами чада –
дивясь невинно

Дружбу води
с равным себе:
найдёшь помощника –
не господина

Впечатывай мысль
в таблицу:
воистину важно писанье!

Быть с жизнью
лицом к лицу
важней –
тренируй же
дыханье
Можно ли

удержаться от вздоха?
Кто пробовал
знает –
напрасен труд

Глоток лишь воздуха
на миг нам нужен
иначе –
прорвётся грудь

Со счастьем
славой
сребром
так же:

тщетный труд –
что блуд –
безумцев путь

Фалес из Милета

Душа счастливца раденью рада
чья польза для многих больше
чем радельца награда
Знает ли жажду источник?
Страждет ли плуг от глада?

Ум – как молнии естество
С ним цели достигнешь вмах
Но слепота постигнет того
кто держится лишь ума

Сердце снуло и слабо
но сто́ит за ним пойти –
знает где скрыто благо
а назад не знает пути
Пускай на приступ не мчится
(свист плети страшен в ушах!)
Коль поспешить случится –
замедли поперву шаг

Сходи в себя неспоро:
ибо стремглав не дойдёшь
до истинного святилища
и вселенского строя
Лучше если ища
сперва ничего не найдёшь
опричь личинок страсти
и бабочек непокоя

Исток непокоя – незнание
а знание достойно жалости!
(Антитеза – только вниманье
проступающей тезе)
И чтоб не пришли чудовища
в гости глодать твои кости
держись неотступно нити
как древле учил Тезей

Боле возрадуйся об убытке
чем о бесчестно добытой части
дабы на божественном свитке
(над ним не имеют власти
ни время – ни человек)
счёт уравнил ты извечный
что будет вечно расти
Кто пьёт из Мидасовой чаши –
должником пребудет вовек

Всё во всём –
и все со всеми:
цвет и семя
семя и цвет

Порой цветущей
вкушай душою
цветенья свет

Что опадает –
плоды приносит
Жди же радостно
с верой

Но пусть
успех тебя
не возносит:
что делаешь –
делай с мерой

Легче всего
давать советы:
приветствуй друга
презри лицемера
но коли оба –
одна особа –
важна особо
мера

Запомни: многословье
не залог разуменья
Помедли
оседлавши стих
в самой середине пенья

А если считая звезды
упадёшь в глубокий овраг –
луч улучи
из бездны
да ввек
не восхвалишь
мрак

И что б ни стряслось с тобою –
не смешивайся с толпою!

Солон

Кто нашептал вам закон
отречься от Саламина?

Это ль – народ мой?
Это ль – Афины?

Ужель повсюду растёт
пышный цвет Саламина?
Как же вас стыд не распнёт?

Что скажет сыну
отец
когда отгремит гроза?

Вино обратится в оцет
оплесневает лоза
что выкинут как мякину

Оплакавший Саламин
оплачет и Афины

Закон ваш зело потешен:
неправо – стоять за право
родное
Безумцем я сделался
грешен
на коленях искал управы
склонившись в метанойе

Не стану ни пить ни есть
пока не услышите
люди:
призовите совесть и честь
кулаками стучите в груди
видя как лбом израненным
бьюсь
не стойте будто безвинны

Я вас – и за вас – боюсь

ведь кто забыл Саламин
забудет и Афины

Агора – торговица горше
Только и слышно: – Почём?
Торгуетесь да
грызётесь –
простится ли вам потом?

Проживу и на Фолегандре
иль на скалистом Сикине¹¹
на островках никчёмных
из нищеты и глины

И там на камне стану
и страшную вымолвлю истину:

Кто продал Саламин
тот продаст и Афины!

¹¹Фолегандр, Сикин – маленькие острова в Эгейском море, упоминаемые в сохранившейся элегии Солона «Саламин».

Fabula Traiana

Прибытие

У столбов Геркулесовых¹²
путь мой вьётся как плеть
Бегун с востока
подъемлет факел зари
над высью Железных врат
Месяц румян и рогат
синеет пролеска плешь –
в златом раздоре
темнооко
глядятся два дивных свата

У столбов Геркулесовых
всё вихрит
С виром хрустальным вир хрупкий свит:
кружат что птичьи игры
В одном – белая галька млеет
да падчериц солнца – искры –
с волнистого гребня ловит

В другом белуга белеет
(ежевику лелеет икры
да в воду сеять изволит)

У столбов Геркулесовых
мой путь пульсирует: мера
бескрайнего кадастра

Я счастлив и пристыжён:
противник мой побеждён
а я стою
окружён:
O Danub!
O terra pulchra!
*O syringea astra!*¹³

¹²Геркулесовы столбы – здесь употреблено как редкое название Железных ворот (Джердапского ущелья).

¹³*O Danub! / O terra pulchra! / O syringea astra!* (лат.) – «О Дунай! / О прекрасная земля! / О сиреневые звёзды!» Эпитет «сиреневые», согласно авторскому замыслу, отсылает к сирени (*Syringa vulgaris* L.) как одному из древнейших видов растений, относящемуся к реликтам третичного периода и составлявшему часть дендрофлоры Лепенского вира.

Письма Плинию¹⁴

Над Данубием
днесь кометы
роем златым взлетели
от вира к виру мчатся сквозь лето –
помешает ли кто их лёту?!
Молчу:
вещают – о ком? – горние меты...

Неужто сами лететь хотели?
Каким узором выткут парчу
вселенского лона?

Знаю ты скажешь:
всему что пало
судьба не судила венца
И всё что пало –
шепчу –
к паденью было склонно
и должно было пасть

Но верь мне:
они ниспадают
с неверием в близость
конца

их полнят любопытство
и страсть

Лететь нелегко – поверь –
слезою каменной став:
теснота – искушенья зверь
и забыт на лету устав

Разорван последний ремень
но неумолимо время:
себя уже не застанешь
паденья свист не услышишь
за миг не соберёшь
бесценное благо – лишь бремя –
и даже не погладишь
нежную шёрстку ветра

Зовёшь свободным паденье

¹⁴Плиний – имеется в виду Плиний Младший (Gaius Plinius Caecilius Secundus (62 – 114)), родом из Северной Италии, римский историк, с которым Траян был в дружеских отношениях и вёл переписку.

а глянешь — заданы линии;
отверденье — конец и итог
а шлем златой — рок
о Плиний!

Поверь — нелегко черстветь
привыкши к ритму и строю
Носить под рёбрами магму
под непробивной корою

Застынуть навеки камнем —
мука плодящая муки

Наипаче жаждешь объятий
коль горé заложены крылья
а долу связаны руки

Caniculae¹⁵

Вода
заносит
в таблицы
страхи свои и надежды —
и вал высокий и сушу

Я склонился омыть лицо
а прочёл
свиток паденья
открывши вежды...
Камню
вода
излила душу
Записи той не слижут
столетья наводнений
(а как Иды подходят ближе
полнится вир полдневный)

Так-то
сыне Нервы¹⁶
с собою сводят счёты:
вершины всегда открыты
затворены глубины
Не надобны и засовы
тайна сама хоронится...

Разве ныряльщик смелый
её отпереть сумеет
иль пёсий зной что сурово
лизжет русел сухие границы
Но как прежде бесследно
пройдут июльские дни
а история
что вековуха —
в срок никогда не готова
глуха на одно ухо
и хочет
только дремать в тени.

Писал и снова пишу тебе

¹⁵Caniculae (лат.; от canis – собака) – самая жаркая пора лета (июль-август); название связано с тем, что в этот период на небосводе видна звезда Сириус в созвездии Пса.

¹⁶Нерва — Марк Кокцей Нерва (Marcus Cocceius Nerva; 30—98), древнеримский император, в 97 г. усыновивший и сделавший своим наследником Траяна.

Плиний

я кого звал ты укротителем вод
но их начало мглисто что иней –
посланье тайное
Чтение – исход

След ноги оставленный в глине
вода глотает с гортанным смехом
В миску набравши звёздной сини
счёт веду с родовым грехом¹⁷

Руку с моста простру
о Плиний
а ветер воде: расклинь её!
Камень-рыба в прозрачной
глуби
То Хистрия! Данубий!

Не стóит кнутом
Бессилен лепет

Страх мой в том
и трепет

¹⁷Имеется в виду гадание по отшлифованному до зеркального блеска дну железной миски.

Плиний у Вира

Lapis ut infans, lacte nutriendus est virginali
(Камень, как дитя, должен быть вскормлен девичьим молоком)¹⁸

Под бременем
времени
дышит кто как умеет
Неопратно запрятан
боле не явится
в звуке
камень из вира

Над сушью пустоши –
кто крик немой
разумеет –
прежний плач воспоёт
поглядят руки
облика блик
как лиру

Младенец неба
на руки пал земле:
*и-мати-и-не-мати*¹⁹ ...
Ему для роста – воздуха
и небесного хлеба
но прежде – млека
от века надобно дать!

Земля же была ещё
дева
белорумяночиста
щедроты дарила вправо
и влево
целомудренна
и проста
а в груди-то жемчужнонежной
млека росла густота
под плотью
непробужденной
набухшею и снежной

¹⁸Алхимический принцип, возможно, восходящий к «Алхимической мессе» (ок. 1525) Мельхиора Цибинского и упоминаемый в трактате немецкого алхимика, поэта и музыканта Михаэля Майера (1568/1569-1622) «Символы золотого стола» (1617). «Молоко девы» – один из важнейших алхимических символов, субстанция, играющая решающую роль в процессе трансмутации.

¹⁹Игра слов в сербском (имати «иметь», немати «не иметь»; мати «мать», немати «мачеха») оставлена без перевода ввиду созвучности старославянским формам: имати («иметь») и мати («мать» в звательном падеже).

Затужила дева-земля
зазываючи млечность

И разнежилась влагой
сталактитова вечность —
потекла потаённо
звения
Прыснула соком персным
Камень уснул
чтобы проснуться
подле меня.

Ondinae²⁰

Водит Дунай караваны
нежных рабынь –
русалок
Всюду их – мириады
прозрачных
слёзных
тонких
бормочут
заботе рады
омывают каждый голыш
бережно водной негой
одевают в покров и тишь
под илом
(точно под небом!)
камня руно и руну –
тайно врезанный оттиск:
рану
рубец
корону

Не вынырнут грешные –
вьются
в оковах из атласа
словно волны безгласы

Уста сомкнуты – но тихо
златые очи смеются
когда выводят Плеяды
на водопой Пегаса

²⁰Ondinae (лат.) – ундины, латинское название водных нимф; Вера Хорват указывает и на другое значение слова ondina – «доисторическая рыба».

Бабакай²¹

Камень камень камень
где твоя магма?
Плен и память о пламени
что вселенная разожгла

И каждое утро мгла
дочь встречи
с нею –
вОдой!

Да разве же ты ей мил?
Иль будешь когда-то люб?
Она бурлит: – Осрамил!
Пеной ревёт: – Душегуб!

И течёт – что уста
чиста
а грудь тебе подло-
мила

На пути скособочен
какая же ты ей – сила?

Но куда же?
Назад?
Горé?
От боли не вырастут крылья!
А она – знай себе – в море
Что волна – без усилия –
одна...

Ondina!
Выдрина дочка!
Златопёрая осетрица!
Родила тебе сына
не больше облачка
да мимо мчится игриво

Воистину: ветра сестрица
а ты – древнее диво
судно без морехода

бессловесен как точка
коей кончается ода

²¹Бабакай – скала, возвышающаяся над поверхностью Дуная у входа в Джердапское ущелье. О происхождении названия спорят до сих пор. Одно из возможных древнейших значений названия – «предок камня».

но – как нож ты остёр
в венах отверстых дня...

Камень
камень
камень

как ты похож на меня

Оберег-берег
облак
окутал

Веет весной
несмело...

Катулл
воробья оплакал
а царь
(Как встарь?!)
с камнем
тужит окаменело:

Ты ляжешь ей в руку
я – на колена
Ах – радушная ниша!

Ничто не дарит
блаженней плена
чем иго ладоней
и чары чресел...

Внимал я – весел –
зарю и раю
рождён из вира
свитой страсти

Её из вод
кристальных
ваяю
но знаю: меня не сможет спасти
тот облик что я
не сберёг...

Оберег-берег-облак-окутал
Катулл бы сюжет купил!

Шепни – кому было слаще?

Пискни – кто чашу испил?

Кого обнимала всех паче?

Уши мои слезами полны
всегда во дни молодой луны –
вот и ты по воде ускачешь . . .

Пусть Орция
чудо увидит –
камень летит
и плачет!

Из книги "Зима в Венеции"

Феофан Грек

Первый снег в Новгороде

Господи
я видел снег —
оком земным — сиянье
Он мне явился во сне:
первый плод созерцанья
в сердце сполохом денницы
а днесь мой порог осыпал
и на ветвях ложится —
им упиваюсь досыта

Не он ли душой исихаста
чтимый превыше злата
покрыл дворы и палаты
и копнами растёт из наста?..

Дети узор крестами
пишут по мягкой перине —
так дали морские гладки
пенной окутаны глухо

кисть возьму я тремя перстами
белизна воплотится ныне
в складки в складки в складки —
святые
кристаллы духа!

Преображение

Бело и светлым-светло
не млечность
иль белокостность
Нездешняя нежность
надснежность
надёжность

Космос
весь
под единою сенью

Только дождаться бы вздоха
облаком в сердце набухло
чудо явленное зренью

Торговцы

Изгнанные
из храма
тут они
с кучей хлама

Брагу за благо
мыло за миро
мрак за зрак
отдают

Торговцы –
ловцы-
суесловцы
по следу
ловко снуют

Шерстью торгуют
(щиплют, рыгают)
им люди
что овцы:
за агнца –
шкур охапки
суют

А после на лавке
сложат
волчьи шапки
и в дрёме
распродают
селенья
в раю

Винсент

Семейство Де Гроот

В укусах соли повисло стыло
облако цинка над горизонтом
Пора ненастных зим наступила
Низкую землю ощупай зондом:

жилище – клетушка-штольня
в Дантовой яме
с керосиновым солнцем

руками-щипцами
из жара картошку хватаем в спешке
Откроет сморщенная ризома
лик сардонической усмешки –
из неё ни нектар ни сома
не окропят цветов
под нашим оконцем

воистину плод земляной
нам явил
сгусток
 узел
 клубок
хтонических сил
тьмы отлог...

У нас картофельные лица
от прегрешений тело кривится
как причастия предвкушение
и залог
клубни едим упрямо

Живём под уровнем моря
с жизнью вечно в раздоре
и другого не ведаем храма

Но не спеши с прозванием
*Manum de tabula*²²
во имя света!
Что если нет в том срама
Что если едим мы

²²Manum de tabula (лат.) – букв.: „руку от доски!“ Первоначально выражение употреблялось по отношению к завершённой картине, дальнейшую работу над которой необходимо прекратить (см.: Плиний Старший, "Естественная история", XXXV, 36, 10); впоследствии стало идиомой со значением «довольно!», «хватит об этом!» (см.: Цицерон, "Письма к близким", VII, 25, 1; Петроний, "Сатирикон", 78)

клубни
диких подсолнухов
лета?

Подсолнухи

Вот – небо
вот – планеты:
в поле Твоём
подсолнухов лето

О музыка сфер
о кружение букета
о полыханье
небесного света!

Священное шествие
к солнцу завета
от края до края
века и света

Во исполнение
святого обета
златая корона
к престолу воздета

Я – лишь тростинка
шуршащая где-то
стебель дикого
пустоцвета

Там – небо
там – планеты:
в поле Твоём
подсолнухов лето

Звёздная ночь над Роной

Нынче волны
пóлны
полных
лун

Месяц не луна
нынче он – лун

Нынче отлив
в объятьях прилива
нездешним лоснится
земное – что слива
а чёрное с белым –
противоречиво –

Эбен и кость
как фосфор играют
Чьи пальцы по клавишам
побежали
всё громче играют играют
игрывают
вселенским пиром
наполнив дали

Льются светы словно из плошки
Скатерть неба в волны стряхнули
Глотают рыбы тёплые крошки
что во мраке не утонули

Café du Tambourin

Серое
ищет белое
ползая с блестящим

Чёрное
ищет белое
чтобы убить в нём светлое
и превратить его в серое
или
полосатое
(Владимир Бурич)

кинжалом в зубах
Белое ничего не ищет –
под ним синее
над ним золотое

Серое
ждёт своего часа
пока белое
отдыхает
в кимоно нараспашку
на верхушке облака
на макушке
черешни в цвету
и с грохотом
бросает кинжал

Белое просыпается с улыбкой
и открывает волшебный веер
трепетно
чтобы его краски
как мечи
семи самураев
не ослепили
серое

2. Агостина

Убьёшь паука поутру – значит
ливень продлится дни и ночи

Убьёшь и ливень – а значит
высохнет взор на долгие годы

Убьёшь и гордость – а значит
спустишься призраком к молу теней

Убьёшь и тень – а значит
украдёшь колыбель младенца-солнца

Убьёшь и месяц в утробе – значит
ослепнешь для слиянного контраста
любви

Убьёшь любовь – и значит
вернёшься в небытие

где дней не будет
где не разбудит
тебя ладонь прикрывшая очи
и слух забудет
как шепчут губы:
– Солнце встаёт...

Башмаки

В страхе с лестницы небесной сходим тесными вратами,
с криком наземь опуская окровавленные ноги, –
башмаки нам здесь даруют, чтоб бескрылыми пятами
мы отсель месили слякоть на болотистой дороге.

Робко поперву ступаем, а потом, начавши злиться,
ищем тропы покороचे мы в ленивом нетерпении;
вдруг, глядим: взирают мрачно с башмаков родные лица...
Наши лица! – и отныне вместо лиц у нас, как тени, –

их помятые личины. А они – в каком-то раже:
если каплет воск на левый – правый в такт стучит подмёткой.
Зашнурованные тьмою – спал один, другой на страже, –
оплетая ноги, правят нашей шаткою походкой.

А когда бродить закончат по трясине, сквозь ненастье,
и придёт пора устало в сонный сумрак окунуться,
у постельного порога стыннут бременем несчастья.
Сгустком боли. Той, что вечно не даёт тебе проснуться.

Безухий портрет

Пчеларь великий
высоkochёлый
в широкополой шляпе
с мягким ободом

снова кругом
одичалые пчёлы
и зеленоглазые оводы

Снуют и снуют
выписывая синусоиды –
вестники мщенья!

Кто же стерпит
целого роя гуд
не зная смущенья?

Что это – гуд
около уха
или под рыжей прядью
звон?

Нестерпимо
восстанье слуха

Отпускаю их –
да изыдут вон!

Об авторе

Вера Хорват (г. Смедерево, Сербия, 10 ноября 1954), поэт, эссеист, искусствовед, литературный переводчик, литературный и художественный критик, автор около двадцати книг поэзии, эссе и поэтических переводов. Переводит с русского, английского, украинского и болгарского. Её стихи переводились на русский, украинский, греческий и английский языки. Прозу, поэзию, эссе, художественную и литературную критику публикует в литературных журналах. Обладатель наград: *Смедеревский Орфей*, Сербия (1974), *Милош Н. Джурич* (Союз литературных переводчиков, Белград, Сербия, 2000); *Золотой значок Сербского культурного и образовательного сообщества* (2000); *Грамота Св. Саввы* (Сербия, 2006), *Хрустальное перо* (Тверь, Россия, 2013). Участница международных фестивалей поэзии в Сербии, России, Боснии и Герцеговине, Румынии.

О переводчике

Олег Александрович КОМКОВ (р. 23.09.1977, г. Павловский Посад Московской области) - культуролог, герменевт, переводчик. Доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Университетские работы собраны в книгах: *"Иконология культуры"* (М., 2010) , *"Образ - Человек - Слово. Ранние труды по иконологии, антропологии и герменевтике"* (Saarbrücken, 2011).

Поэтическим переводом занимается с 2008 года. Подборки переводов и оригинальных стихотворений размещены на литературных сайтах "Век перевода", Поэзия.ру и Fabulae, публиковались в "Литературной газете", сербских литературных журналах "Траг" и "Српски југ" , в разделе "Антология мировой поэзии" чикагского еженедельника "Реклама", в литературном альманахе "Белый ворон" (Екатеринбург – Нью-Йорк), в журнале поэзии "Плавучий мост" (Москва).